Павел Степанцов

# Рецензия на книгу:
## Лэйард Р. Счастье. Уроки новой науки. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

> Счастье и успехи тебе прощают лишь при том условии,
> что ты великодушно соглашаешься разделить их с другими.
> Но раз хочешь быть счастливым, ты не можешь
> чересчур заботиться о других. Положение безвыходное.
>
> *А. Камю.* Падение.



Книга Ричарда Лэйарда «Счастье. Уроки новой науки» (Richard Layard, «Happiness, Lessons from a new Science») была впервые опубликована в Великобритании в 2005 году издательством Penguin. Книга имела большой успех, и уже в 2011 году Penguin выпускает второе издание, «полностью пересмотренное и обновленное», как гласит англоязычная обложка. Однако уже во вступлении сам автор отмечает, что основной текст не подвергся значительной переработке. Была лишь добавлена новая третья часть. Дело в том, что книга имела широкий резонанс. Среди отзывов было множество критических. По сравнению с первым изданием Лэйард все же дополнил некоторые главы с учетом критики, добавил в третью новую часть книги ответы «скептикам» (как он их называет) и попытался более внятно обосновать основные тезисы с привлечением ресурсов «новой» науки.

В 2012 году Издательство «Института Гайдара» выпускает перевод второго издания книги. На русском языке это одна из немногих, если не единственная книга, написанная экономистом для широкой публики, в которой критически рассматриваются основные положения современной экономической науки. Сам Лэйард — видный экономист, работающий в Лондонской школе экономики, и политический деятель — он является членом Палаты лордов. Его научные работы по экономике заложили интеллектуальную основу для борьбы с безработицей в Великобритании. Однако в данном случае Лэйард выступает на стороне противоположного экономистам лагеря. Он критикует концепции экономического индивидуализма и свободного рынка, т. е. основы неоклассической экономической теории.

На самом деле книга не про экономику. Ее цель — не распространение среди не-специалистов сложных экономических концепций. Автор ставит перед собой более амбициозную задачу: изменить наши представления о конечных целях социальной и экономической политики. Он негативно оценивает тот факт, что в течение долгого времени в фокусе социально-экономической политики развитых стран было повышение валового национального продукта.

Лэйард задает, на первый взгляд, простой вопрос: сделал ли прирост валового продукта на душу населения людей счастливее за последние 50 лет? Опираясь на результаты социологических и психологических исследований, он с уверенностью дает отрицательный ответ. Несмотря на то, что доход среднего домохозяйства в Европе и США вырос в несколько раз, люди остались на том же уровне счастья, что и в 50-60-х гг. прошлого столетия. Между тем, как заявляет автор, прирост счастья людей является абсолютным и неоспоримым благом, к которому должно стремиться любое государство.

Итак, под огнем критики в первую очередь оказывается ложная, по утверждению Лэйарда, уверенность экономистов в том, что индивидуальное счастье напрямую связано с индивидуальной покупательной способностью. Основываясь на данных Мирового исследования ценностей (World Value Survey), Лэйард выделяет 7 ключевых факторов, определяющих счастье людей как на индивидуальном, так и на национальном уровне. К ним относятся: отношения в семье, финансовое благополучие, удовлетворенность работой, общение с друзьями и знакомыми, здоровье, личная свобода и личные ценности.



За исключением финансового благополучия и здоровья остальные пять факторов в большей или меньшей степени связаны с качеством сообщества, в котором живут люди. Лэйард отмечает, что за последние 30-40 лет значительно ослабли межличностные связи, упал уровень доверия людей друг к другу, возросло количество насильственных действий. Все это повлекло за собой разрушение старых связей внутри сообществ, росту индивидуализма и сепаратизма людей. В результате увеличилось стремление к достижению индивидуальных сиюминутных целей вместо кооперации друг с другом и совершению действий на долгосрочное общее благо. Эти процессы связываются им с развитием науки и технологий, эмансипацией женщин и разрушением семейных ценностей.

Не будем углубляться дальше в детали диагноза, который автор ставит современному обществу. Читатель может найти множество красочных примеров, ярких аналогий и красивых риторических приемов, если самостоятельно обратится к тексту книги. Заметим вместо этого, что Лэйард — один из немногих экономистов, обращающих такое пристальное внимание на качество сообщества. Бо-

лее того, он не говорит, что более тесные межличностные связи или широкая сеть знакомств позволят людям эффективнее достигать экономических целей, а государству — производить больше товаров и услуг (как это делают некоторые экономсоциологи, например). Он сознательно выводит свои рассуждения за пределы экономической риторики. В этом тексте он выступает больше как социальный философ, нежели чем экономист.

И, как настоящий социальный философ, Лэйард стремится решить проблему, начиная с самих основ. Он заявляет о необходимости переопределить raison d'etre государства. Старая идея laisser-faire уже не состоятельна: из индивидуального стремления отдельных личностей к максимизации собственной выгоды не складывается максимизация общего счастья. Для автора это утверждение очевидно: в пользу него говорят социальные исследования и психологические эксперименты. Таким образом, заявляет он, в основу социальной политики вместо концепции индивидуального блага должна быть положена идея *общего блага*. В качестве таковой автором предлагается идея максимизации общего счастья.



Так автор возвращается прямиком к утилитаризму XVIII века. Недаром ключевой фигурой в философии для него оказывается Иеремия Бентам, который ставит принцип максимизации общего счастья в противовес принципу максимизации индивидуального блага. Мы не будем обращаться здесь к проблемам утилитаризма Бентама с точки зрения истории экономической теории, в частности, к возможности обеспечить такое индивидуальное действие, которое будет максимизировать общее счастье даже в противовес собственному индивидуальному благу. Лэйард как социальный философ, несмотря на англосаксонские корни, парадоксально намного ближе к Руссо, чем к Гоббсу. Он уверен в том, что люди по природе своей добры, глубоко моральны (на генетическом уровне) и получают удовольствие от действия на благо других людей.

Интереснее, что идея всеобщего счастья провозглашается Лэйардом самоочевидной ценностью. В отличие от других целей, стремление к счастью не требует дальнейших обоснований. Значимость счастья не требует, по мнению автора, никаких дополнительных внешних доказательств, «оно просто, очевидно и значимо».

Очевидность ценности счастья играет с автором злую шутку. Он, фактически, выводит понятие «счастье» из зоны обсуждаемого: счастье — это то, что самоочевидно, о нем не имеет смысла спорить. В результате этого автор не дает вообще никакого определения счастья в тексте книги[1]. Между тем, акцентируя самоочевидность счастья

1 Максимум, что он говорит про счастье, сводится к «когда мы чувствуем себя хорошо, мы счастливы, когда нам плохо — мы несчастны».

как конечной цели и всеобщего блага, автор незаметно для себя выводит его из научного языка. В книге счастье — это действительно, конечная ценность, но никак не концепт. Концепт — это то, о чем можно содержательно спорить, связывать с другими (такими, как всеобщее благо или цель социально-экономической политики и т. д.). Иными словами, «счастье» предполагает возможность содержательно говорить о нем на языке науки и оспаривать некоторые понятийные связи (например, связь «счастье» = «всеобщее благо»). Язык Лэйарда не позволяет делать этого. Напротив, автор сознательно ограничивает его возможности. Счастье же как самоочевидная истина находится вне региона науки: *оно не может стать элементом научного дискурса*. Хотя оно может при этом быть конечной философской идеей, на которой сознательно прерываются цепочки в процессе объяснения.

Несмотря на это, стремление сделать счастье объективно измеряемым (что для автора равнонаучно) выбрасывает аргумент Лэйарда из сферы социальной философии, где его качество оценивается по логической последовательности, в научную сферу. Всеобщее счастье как конечная ценность действительно может быть понятием социальной философии. В ней будет, правда, мало нового по отношению социальной философии Бентама, но, тем не менее, она может быть добротным интеллектуальным продуктом. Единственное, *конечная ценность (как идея социальной философии) не может быть измерена.* Измеряемы концепты. Последние принадлежат региону науки. К ним предъявляются *требования концептуализации и операционализации*.



Стремясь доказать, что счастье объективно, Лэйард предлагает способы, как мы можем его измерить на социологическом, психологическом и нейро-когнитивном уровнях. Он говорит об измерении, об операционализации, совершенно забывая о другой, не менее важной составной части конструирования научного понятия — концептуализации[1]. Говоря проще, автор задается вопросом: как мы можем измерить понятие «счастье», не определив его содержательно. В итоге, автор сталкивается с проблемами операционизма — методологии, в рамках которой определение понятия тождественно установлению процедур его измерения[2].

---

1 Тем самым Лэйард ставит перед собой еще более амбициозную задачу, чем переопределение целей социальной и экономической политики, — напрямую операционализировать философскую идею. Насколько позволяет судить опыт социальных наук, это еще никому не удавалось без предварительной процедуры перевода философских идей на язык социальных наук — концептуализацию.

2 Методология операционизма предполагает прямые операциональные определения понятия без процедуры концептуализации. Проще говоря,

Основной проблемой операционизма является невозможность содержательно ответить на вопрос, *что* измеряется. Это обстоятельство приводит к тому, что вопрос о внутренней валидности измерения (действительно ли мы измерили то, что хотели, или нет) становится бессмысленным. Следствием этого является проблема сопоставления различных измерений. Мы не знаем, измерили ли мы в разное время и в разных местах одну и ту же вещь или нет. У нас нет содержательного критерия, чтобы судить об этом. Так, например, с точки зрения методологии операционизма является ошибочным заявление Лэйарда о том, что люди из разных стран и культур, отвечая на одинаковый вопрос о счастье, имеют в виду одно и то же. Та же проблема возникает, когда автор говорит о сопоставлении измерений из социальных исследований, нейронауки и психологии. На основании чего мы можем говорить, что мы измерили одну и ту же «вещь»? Что мы определяем как «счастье»? И является ли замер активности различных долей головного мозга и вопрос в анкете «Счастливы ли Вы?» измерением одного и того же «счастья»? Проблема автора не в том, что он привлекает ресурсы из разных наук, а в том, что он не показывает, как они работают в процессе измерения одного общего концепта.



Научная составляющая книги сильно проигрывает социально-философской. Последняя, хоть и не отличается принципиальной новизной, — логически последовательна. Когда же Лэйард пытается играть на «поле науки», его аргументация сильно «провисает» в результате отсутствия внятной концептуализации понятия счастья. Автор пытается контрабандой перевезти идею счастья как конечной ценности из социальной философии в социальную науку. В итоге он остается где-то в пограничной зоне между философией и наукой, выступая, скорее, как социальный пророк, нежели как ученый или философ.

Таким образом, пожалуй, основной проблемой книги является ее стилистическая неоднородность: если автор придерживается науч-

---

определение понятия сводится к проведению ряда операций по его установлению. Например, так в рамках методологии операционизма определяется понятие длины: «что мы понимаем под длиной объекта? Очевидно, мы знаем, что такое длина, если мы можем сказать, какова длина любого и каждого объекта. Для физика не требуется более ничего. Чтобы определить длину объекта, нам необходимо предпринять определеенный физические операции. Таким образом, понятие длины установлено, когда установлен набор операций по еее измерению, т. е. понятие длины включает не менее, но и не более, чем набор операций, посредством которых определяется длина. В общем, мы понимаем под концептом не более, чем набор операций; концепт синонимичен набору операций» (Bridgman P. W. The logic of modern physics. New York: The Macmillan Company, 1958. P. 5, курсив оригинала).

ного стиля работы, ему необходимо определить «счастье» как понятие, сделав его связь с другими концептами обсуждаемой. Если же Лэйард выступает как социальный философ, то ему следовало бы отказаться от подзаголовка книги — «Уроки новой науки».

Между тем, автор книги затрагивает ряд принципиальных для социальных наук вещей: проблему связей сообществ, в свою очередь, их связь с доверием, проблему общественного договора (в терминах Т. Гоббса), приходит к идее недоговорной природы договора (которую, в частности, мы можем найти в работах Э. Дюркгейма) и т. п. Лэйард принципиально не разрабатывает эти проблемы на языке экономики (например, он не удовлетворяется аппаратом теории игр для того, чтобы решить проблему добровольных контрактов), а импортирует объяснительные ресурсы из социологии, психологии и популярной нейронауки. К сожалению, все эти темы затрагиваются лишь по касательной. Однако постановка под вопрос основных положений и ключевых объяснительных механизмов экономической науки одним из ведущих экономистов Британии представляется симптоматичной. Можно ожидать, что для дальнейшего развития и расширения собственных объяснительных возможностей экономической науке понадобится новый импорт понятий из смежных дисциплин.